

140 К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

**Владимир
ПЕТРУШЕНКО**

*г. Рубежное,
Луганская область*

Разговор с отцом

5 июня. 2015 г.

Луганская область, г. Рубежное.

Так получилось, что город Рубежное, где я живу, оправдывает свое название: он находится на самом рубеже, который разделяет блокпосты украинских солдат и ЛНР. А война пришла в наш город 22 мая 2015 г. ровно в 4 часа, как по расписанию арийской пунктуальности. А сегодня на окраине города был серьезный бой.

Приехал я на ж/д вокзал, чтобы заснять на видео разбитые осколками стены и потолки для нашей электронной газеты. Также надеялся, что как-то проберусь к мосту через Донец, чтобы сфотографировать еще и разбитую технику, и подорванный мост. Меня тормознули украинские солдаты на блокпосту и предложили не соваться к мосту по дороге: могу получить шальную пулю – в лесу много боевиков... Я решил обойти. Лишь только немного углубился в лес, как недалеко раздался зловещий хлопок взрыва. Прямо на меня бежал молоденький солдат. «Там растяжки, не лезьте туда!..» – выкрикнул он слабеющим хриплым голосом и упал. Я подбежал к парню... он не

дышал. В его открытых глазах словно застыл вопрос: за что же теперь мы, украинцы, убиваем украинцев, русские русских? Зачем снова к нам пришла война? Я взял левее моста и пошел тропинкой. Незаметно вышел к кладбищу. Нашел родную могилу, присел на лавочке. С фотографии на меня смотрел мой отец – Петрушенко Дмитрий Трофимович. Офицер, танкист, прошедший дорогами войны до стен рейхстага.

– Вот и к нам пришла война, отец, – сказал я в тишину. Ветер тихо перебирает лепестки бумажных цветов в металлической вазе у надгробия, словно время листает страницы жизни. – Когда вы с мамой за праздничным столом поднимали тост «за мир», я с братом и сестрой переглядывались иронично, мол, какая еще война может быть у нашего поколения. Оказывается, может быть, да еще какая – брат против брата, сын против отца... А война... у нее не женское лицо, говорят. Да откуда у нее лицо? Оскал звериный. Расстрелять бы ее саму перед строем людей. А в ту войну расстреливали друзей перед строем людей. Помнишь, как в твоём рассказе?

Декабрь 1942-го

Готовились к генеральному наступлению по всему фронту. Выпала небольшая передышка. Я беседовал с друзьями-разведчиками, вернее, мы спорили. Они мне доказывали свое: как трудно в минус 30 дотащить «языка» живым до своих, а я им как танкист доказывал свое: как сложно в те же минус 30 отремонтировать свою «тридцать четверку». Настроение было плохое. Прошел всего один день, как погиб мой хороший товарищ, тоже лейтенант, танкист, комвзвода Николаев. Глупо так погиб.

Была у нас специальная команда кинологов, которая готовила собак-смертников. К собаке привязывалась взрывчатка с антенной взрывателя. Собаки обучались таким образом, что когда они слышали работающий двигатель танка, то бросались под него. Обычно это были немецкие овчарки. Умные животные, легко поддавались обучению. Вот и получалось: немецкие овчарки подрывали немецкие танки. А тут – глупейшая ситуация получилась. После очередного обучения на одну из собак надели настоящую взрывчатку со взрывателем. Решили проверить, как она будет на себе держать этот груз. Не будет ли сбрасывать. А в это время Сергей Николаев взял и завел свой танк, что стоял невдалеке. Двигатель решил прогреть. Овчарка услышала рев мотора, вырвалась и бросилась под танк... Немецкие пушки не могли взять эту «тридцать четверку». Как замороженная была – везде выживала. И ее командира Николаева называли бессмертным...

Это уже в самом конце войны, в мае сорок пятого, в Берлине, мы справили поминки по всем погибшим. Обошли ночью логово фашистов в полной темноте, без света фар. Потом в один миг Берлин осветили сотни прожекторов и фары наших танков. Я скоординировал своим экипажам: «Вперед! На рейхстаг!» И, глядя на убегающих немцев, стал перечислять погибших своих друзей: «За Николаева! За старшину! За комбата!...»

Но это было потом. А пока – зима 42-го. Разошлись мы с разведчиками по разные стороны, каждый остался при своем мнении.

А на следующий день встретил я их у фельдшера. Никитичем его звали солдаты. Притащили они по снегу в лютый мороз «языка» – матерого немецкого офицера. Заботились о его здоровье больше, чем о своем. Ватниками своими прикрывали. Сами промерзли до костей. Смот-

рю, просят у фельдшера спирт. «Нет, – говорит Никитич, – спирт находится в спецпакетах противохимической защиты».

– Да брось ты, старшина, – говорят разведчики. – Сколько мы уже воюем! Никакой химической атаки никогда не было. Помрем ведь от переохлаждения, старшина. На твоей совести смерть наша будет...

Не знаю, что они ему еще там говорили... Но уговорили. Распечатал он несколько пакетов. А на следующий день по закону подлости – полковая проверка во главе с генералом. Проверяли полную готовность к наступлению. Что дальше... Дальше сработал закон войны. Пакеты химзащиты оказались вскрытыми, спирт украден... Трибунал!

Зимним утром выстроили полк под линейку. Вдоль строя ведут старшину фельдшера. Он держится достойно, смотрит в глаза ребятам-разведчикам. А они опускают глаза, смотрят под ноги, в снег... Говорят, солдаты не плачут. Плачут! В тот день плакали сильные и мужественные парни из разведки, которым он помог. Его расстреляли перед строем.

...И падал снег. Был светлым зимний день.

И было страшно умирать ему.

Я б перед строем всех живых людей

Из всех винтовок расстрелял войну!

* * *

Настоящие зимы были раньше, не то что нынче: ни то ни се. И снега, и смеха было больше в жизни. Заносила метелица все стежки-дорожки, дворы и огороды. Выходили мы, пацаны по 12-15 лет, на «белое-белое покрывало января», а сугробы у окон такие большие, что можно в них с крыши прыгать. Но не до прыжков – идем дорогу расчищать, хоккейную коробку делать.

По обе стороны проезжей части дороги борта из снега получались по метру и более высотой. Страсти спортивные бушевали у нас нешуточные. Своя серия матчей была СССР – Канада. Бросали жребий, кто сегодня будет нашими, а кто канадцами. У Сереги, самого здорового из нас парня, была кликуха Фил Эспозито. Но даже он не хотел, пусть и понарошку, быть канадцем. Все хотели сражаться за СССР и быть Харламовыми, Петровыми, Якушевыми...

Играли мы по-спортивному зло, как говорят, до крови. Мой дом был рядом с нашей искус-

ственной хоккейной коробкой. Иногда на крики выходил ты, отец, и утихомиривал нас: «Что вы деретесь, как с немцами. Вы же все свои. Тоже мне вояки. А ну-ка, прекратили эти бои! Я вам как офицер приказываю!» Один раз мои друзья и попросили тебя: «А вы расскажите, как на войне было. Видели немцев близко-близко? Убивали?»

Ты вздохнул: «Все было. Это война. Это вам не клюшками махать, драчуны». И рассказал нам в перерыве наших сражений о настоящих боях. Как касками в темноте в сарае бились, не видя ничего. «Схватишь за шиворот, если заматерится, значит, свой, а промолчит или по-немецки вякнет – сразу каской по голове... Один раз в окружение попали. Лежали мы в санбате. А тут обходят нас немцы. Поднял я всех раненых, кто мог держать винтовку, взял несколько гранат – и в прорыв пошли... Семнадцать из ста и прорвались... А еще были и смешные случаи. Помню, сидим мы в окопе. Тишина поразительная. Непривычная для передовой тишина. Старшина Еременко что-то в бинокль рассматривает. Потом говорит мне:

«Разрешите, товарищ старший лейтенант, за медом сползть. Вон там, аккурат посередине между нами и немцами, пчелиные ульи стоят в поле. Откуда они там, непонятно, но в сотах мед точно есть. А к нам уже двое суток кухня добирается, никак не доберется. Вот бы и подкрепились...» – «Поползем вместе, – говорю, – ты со своим автоматом прикрывать будешь». Пополз я первый, он за мной. Доползаю до улья. Пчел не видно, а в рамках мед остался. Достая одну рамку, и вдруг тут из-за другого улья прямо на меня немец выползает и тоже с рамкой. Бросает ее – и за автомат. И я свой табельный «ТТ» выхватил. Смотрим друг на друга и на мушке держим. Рыжий такой немец. Морда круглая, глаза бегают. То на меня смотрит, то на пистолет. Молчим. Я прячу пистолет в кобуру. Он тоже кладет на землю автомат. Берем по две рамки и ползем к своим... Вот. Даже с фашистами были перемирия обеденные. А вы – свои, а до крови деретесь...»

Пошутил ты еще немного с нами и пошел домой. Шаги короткие, осторожно так ноги передвигаешь. Это сейчас я вспоминаю... и мне жалко снова тебя. А тогда не понимал... или забывал, что ноги были у тебя больные. Отморозил ты пальцы на ногах, когда лежал в разведке и считал немецкие танки. Ампутировали фаланги пальцев, и стал носить ты сапоги меньшего размера. В них и Берлин брал...

*Мы в детстве все любили щегольнуть
И каждый месяц рост свой отмечали.
Мы, как гармонь, растягивали грудь,
Казалось нам, могучими плечами.
Гордился я, что вот отца догнал.
Его ботинки мне малы и узки.
Гордился я... я просто забывал –
Он отморозил пальцы ног под Курском.
Уже давно я вышел в мужики.
Лежат в альбоме детства фотоснимки...
Но малые отцовские ботинки
Всегда. Всю жизнь.
Мне будут – велики.*

* * *

Сын Дмитрий, твой внук (я назвал его в честь тебя) рано женился и... рано развелся. Невестка с внуком Ярославом нашла себе нового друга и переехала из Рубежного в Первомайск, где были ополченцы. Его потом бомбили и обстреливали безбожно. Люди погибали целыми семьями, прячась в подвалах от снарядов «Града»...

Мы с тобой всегда говорили друг другу правду... Но в последние годы твоей жизни я стал замечать, что тебя мучает какая-то тайна, которую ты не можешь рассказать мне. Тебя мучила боль совести, как неудаленный осколок под сердцем? Иногда я тебя, коммуниста, встречал в церкви. Ты ставил свечку справа у образов... Там ставят за упокой. У нас, слава богу, тогда были еще все живы. Кого ты тайно поминал? Потом моему сыну Дмитрию ты рассказал военную историю, которую мне не доверял. Получился вот такой рассказ... Извини, отец, если где-то и в чем-то я ошибся...

Лето 1944 года

Младший лейтенант натолкнулся на высокий, густой кустарник. Обойти его слева или справа? Немец, по его рассуждениям, как раз находится немного правее. Вот и должен он выйти на фрица незамеченным, прячась за густыми зелеными ветками. То, что он почти догнал беглеца, младший лейтенант Дмитрий Петрушенко чувствовал всем своим нутром. Двое его товарищей взяли круто вправо и были где-то метрах в двухстах от него. Но Дмитрий

«вел» пока еще невидимого немца, как будто бы преследовал себя.

– Куда бы я пошел сейчас? Конечно, к воде. К озерцу, к болотистой местности, только лишь бы сбить след. Иначе никак не уйдешь. Здесь он, совсем рядом, – рассуждал Дмитрий, – надо еще тише двигаться...

Высохшая (как казалось) часть болота была невелика по объему и представляла собой серую потрескавшуюся корку земли, а вот оставшая, водная, более обширная часть, была просто усеяна кувшинками.

Вдруг обе ноги Дмитрия соскользнули с бугорка – и он сам резко сунулся в болото. Трясина жадно охватила его ноги и стала медленно, как удав жертву, втягивать и все тело бойца. Автомат при падении оказался возле ног и также погружался в смертельную жижу.

– Трясина! Надо же, пол-Европы прошел с боями, а умру, как жаба, в болоте, – обожгла безнадёжностью мысль.

Дмитрий попытался опереться хоть как-то руками, земля-то рядышком, вот она, но серая поверхность предательски расступалась, а под ее коркой вязкая жижа начала втягивать солдата... Вот и все, вот и все – выбивал болезненно морзянку пульс. Трясина-убийца заботливо пеленала бойца со всех сторон. И мужественный солдат дрогнул.

– Эй, э-э-эй! – закричал Дмитрий и попробовал резко повернуться к берегу. Но от резких движений погружение только ускорилось...

– Эй, ребята, спаси-и-и-те! – снова закричал он, когда на поверхности остались только плечи, руки и голова...

И в этот момент он увидел, как к нему с автоматом наперерез быстро приближается... фашист. Офицер, за которым он гнался по лесу. Дмитрий в отчаянии закричал беглецу: «Стреляй, стреляй, сволочь! Шисен! Шисен, фриц! Пристрели, говорю, ты же солдат. Дай умереть от пули, не от болота...» Кроме «шисен» немец не понял ничего, но автомат положил на землю, а сам сломал большую ветку кустарника и буквально сунул ее конец в ладонь русского солдата. Дмитрий сжал пальцы и начал пытаться лечь на плечи, чтобы увеличить площадь опоры... Через несколько минут тяжелой борьбы за жизнь Дмитрий радостно оперся коленом о твердую землю, завалился на бок и, ухватившись за ветку кустарника, подтянулся на берег... В этот момент где-то рядом раздались одиночные выстрелы и лай собаки... Немецкий

офицер привстал и посмотрел в сторону преследователей. Дмитрий в этот момент перекатился по земле и схватил автомат фрица, а тот с искаженным от ужаса лицом посмотрел красноармейцу в глаза, затем на дуло наставленного на него автомата и рванул вдоль кустарника... Дмитрий уже видел своих, видел и убегающего немца. Первым, размахивая табельным «ТТ», бежал капитан Кудинов, старший конвоя, он тоже видел убегающего. На его лице было удивление и злость. Глядя то на Дмитрия, то на удаляющегося среди деревьев фашиста, он в недоумении кричал: «Ты что не стреляешь?! Стреляй, стреляй, сволочь, уйдет! Под трибунал пойдешь!» Дмитрий опять повернулся в сторону бегущего немца, взял повыше головы и нажал на спусковой крючок...

В мелькающего за деревьями фрица уже и целаясь было сложно попасть... Но немец почему-то споткнулся и упал, развернувшись, на спину. Все трое подбежали и обступили беглеца. Немецкий солдат лежал на прогретой солнцем чужой земле, широко разбросав руки.

– Готов, – сухо сказал Кудинов. – Пошли к своим.

Когда они отошли на несколько шагов, Дмитрий остановился, развернулся и быстро побегал назад к немцу. Наклонился над ним, провел ладонью по открытым глазам...

– Прости, фриц, ошибся я...

2001 год. 9 Мая

Ты сидишь в кухне за столом. Я разговариваю с другом по мобильнику, отвечаю машинально, слушаю невнимательно и все заглядываю на кухню. Беспокоишь ты меня, отец. Совсем плох стал. Еще в прошлом юбилейном году перед Днем Победы ходил в школу, рассказывал ученикам о войне, а в этом году резко сдал, ослабел. Девятый десяток все-таки.

С полчаса уже, наверное, сидишь перед стоящей на столе рюмкой водки и все никак не решишься выпить. Говоришь тихо что-то непонятное... и кому? Правда, сил и желания хватило у тебя, чтобы достать зачем-то из шифоньера и надеть свой старенький китель с наградами: справа – три ордена, слева – множество медалей и нашитые наградные планки. Никуда ведь не идти, зачем этот парад? На столе стоит еще стакан, наполовину заполненный сорокаградусной, сверху на нем – кусочек хлеба.

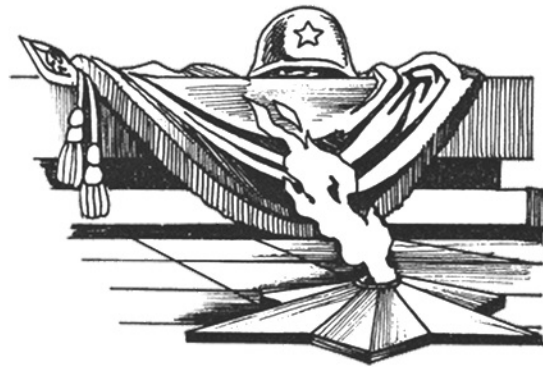
Последние три-четыре года ты именно так отмечаешь День Победы, вечером, после всех торжеств... Один. Не любишь, чтобы кто-то в это время был рядом. Глаза красные, влажные от слез. Выпиваешь все-таки рюмку... Не закусываешь, смотришь в закрытое шторой окно и шепчешь непонятные мне слова: «Прости, фриц...»

* * *

Наше южанское кладбище расположено в лесу. Темнеет здесь намного раньше, чем в городе. Пока я говорил с тобой, солнце спряталось за высокие сосны. Пора прощаться. Я приду, отец, на Проводы, на День Победы – обязательно! Никакие политические пасьянсы новой власти, воюющей с собственным народом, не смогут отменить 9 Мая, как бы им ни хотелось. Это твой любимый праздник, отец. Мой тоже.

9 Мая

*Всем в этот день припомнится война.
Кому – по фильмам,
а кому – по ранам.
Звонят колоколами ордена
На старых гимнастерках ветеранов.
Мир. Тишина. И только неба даль
Похожа заревом на огненные дали.
И солнце – как награда! Как медаль!
Всем тем, кому
не вручены медали.*

Владимир Дмитриевич ПЕТРУШЕНКО

родился в 1953 году.

Живет в городе Рубежное Луганской области.

Работает журналистом ТРК «Рубежное»,

поэт, писатель,

автор 4 поэтических и 3 прозаических сборников.

Лауреат литературной премии

им. Михаила Матусовского.

В декабре 2018 г. вышла книга

о войне на Донбассе «Деревья без крон».

Этот очерк из этой книги.

В журнале «Север» публикуется впервые.

